

Г.М. Тавризян

## ЙОХАН ХЕЙЗИНГА

Фигура нидерландского историка Й. Хейзинги - одна из наиболее интересных и привлекательных в исторической, культурологической и философской мысли XX столетия.

Творчество автора всемирно известного труда «Homo ludens» выходит далеко за рамки собственно исторической науки. Получившая в этой книге всестороннее развитие идея «человека играющего» явилась воплощением давнего интереса европейской культуры к проблеме игры - от Ф.Шиллера, Ф.Шлегеля, И.Канта до Х-Г. Гадамера. Концепция Й.Хейзинги, включая его исследование духовной ситуации эпохи, оказала существенное влияние на развитие в XX столетии философской антропологии, социальной философии и эстетики.

Йохан Хейзинга родился в 1872 году в Гронингене. Окончил Гронингенский университет; с 1905 года он профессор кафедры всеобщей истории Гронингенского, а с 1915 года - Лейденского университетов. С 1916 года - действительный член Академии наук в Антверпене (историко-литературное отделение). В 1942 году во время немецкой оккупации Голландии был арестован за антифашистские взгляды и помещен в концентрационный лагерь заложников; через четыре месяца отправлен в ссылку, где работал над книгой «Поруганный мир». Умер ссыльным в голландской деревушке близ Арнема 1 февраля 1945 года, не дожив трех месяцев до победы.

Важнейшие сферы деятельности Хейзинги - историография, философия культуры, критический анализ современной эпохи. Широта взгляда, диапазон интересов - филологического, исторического, культурологического - из традиций евро-

пейской мысли роднят его с Гердером и Гумбольдтом, с Шиллером и Гёте. В своих работах Хейзинга демонстрирует необычайное многообразие «жанров» исторического творчества. В целом здесь можно выделить три главенствующих направления. Это собственно историография, воссоздание сложных, ярких полотен прошлого, обращение к полным противоречий, драматичным эпохам: позднего Средневековья, Реформации, Нидерландов периода освободительной борьбы против Испании. Не меньшее место в его творчестве занимают масштабные гипотезы относительно возникновения и развития мировой культуры (например, о роли игры как важнейшего культуuroобразующего фактора) и, шире, выявление и изучение «извечных», возрождающихся в истории цивилизации иллюзий и утопий человечества (мечта о «золотом веке», буколический идеал возврата к природе, евангельский идеал бедности, коренящийся в архаике рыцарский идеал, возрождение античности) - всего, что Хейзинга именует «гиперболическими идеями жизни», вокруг которых, как он стремится показать, в той или иной культуре сосредоточивалась вся жизнь общества. Существенную часть наследия Хейзинги составляют работы, содержащие критику эпохи: диагностику современной западной культуры, анализ причин упадка общественной жизни<sup>1</sup>; они непосредственно смыкаются с работами Х.Ортеги-и-Гассета, М.Хайдеггера, К.Ясперса, Г.Марселя, в которых в те же годы предпринимались попытки вскрыть корни глубокого кризиса западной культуры<sup>2</sup>. Здесь Хейзинга рассматривает и важнейшие вопросы теории: соотношение понятий «культура» и «цивилизация», проблемы всеобщей истории, войны и мира, государства, права.

В данной статье представляется целесообразным обрисовать в общих чертах некоторые существенные принципы историографии Хейзинги, его отношение к *методологии создания истории культуры (Kulturgeschichte)*.

Хейзинга прежде всего историограф, историк рассказывающий. В своей практике воссоздающего «живую жизнь» историка он сочетал писание истории и ее исследование, нарратив

и теорию, отмечая их нерасчленимое единство. Поэтому его теоретические взгляды на историческую науку, ее предмет и методологию могут быть уяснены в первую очередь через его историографию: его понимание задач реконструирования облика прошлой культуры наиболее полно воплотилось в таких широких полотнах, как «Осень Средневековья», «Эразм», «Культура Голландии в XVII веке». И хотя исключительное, вдумчивое и тонкое мастерство анализа исторических форм, умение воссоздать культурную эпоху зримо и «органично», во множестве ее взаимосвязей, принесли Хейзинге славу «Буркхардта XX века», его взгляды на науку истории, будучи интерпретированы самым различным образом, на протяжении многих лет подвергались критике с различных платформ. Между тем, именно в этой области происходили в первой трети XX века чрезвычайно ощутимые сдвиги; методологическое и мировоззренческое обновление исторической науки сопровождалось борьбой направлений и методов; зачастую в тесном переплетении тенденций новаторских и консервативных новое оставалось и не признанным, и не признанным. Сам же Хейзинга высказывался по широко дискутируемым вопросам теории (прежде всего - о предмете и методе исторической науки) как бы уклончиво и неохотно; его высказываниям, теоретическим формулировкам свойственны ощутимая недоговоренность, нелюбовь к категоричности. Это уже само по себе не могло не вызвать в академической университетской среде чувства неудовлетворенности и недоумения. В частности, предмет и подход к историческому материалу в «Осени Средневековья» столь нетрадиционны, здесь столько живого рассказа и видения, так мало сказано о «методологии» и «проблемах» - их не видно за богатейшей, увлекательной хроникой жизни, - что, будучи в короткий срок переведен на многие языки мира, труд этот вызвал неодобрение и критику со стороны представителей «строгой» исторической науки.

В последующем среди критиков так и не сложилось единодушного мнения относительно принадлежности Хейзинги к

тому или другому ведущему направлению западной исторической мысли. В то время как многое в его взглядах и предпочтениях позволяло сторонникам новых методов исторического исследования считать Хейзингу приверженцем устаревшей «индивидуализирующей», событийной истории, преемники традиционного идеализма в историческом знании, неокантианцы и неогегельянцы, расценивали его историографическую манеру как «антиисторизм» и «деградацию в социологию», причем и здесь подразумевался пройденный этап - позитивистская антитеза историзму в XIX веке.

Позиция Хейзинги во многих существенных вопросах, касающихся трактовки закономерностей исторических процессов, сближает его с индивидуализирующей историографией, прежде всего с немецкой баденской школой; в борьбе, которой отмечены конец XIX и XX век - между историзмом ранкеанской школы и позитивизмом, между историей и социологией, - его личные симпатии безоговорочно на стороне первых<sup>3</sup>. Тем не менее его собственная деятельность отнюдь не уместится в эти рамки. Если обратиться к исследованию голландским историком излюбленных им временных пластов - кризисных эпох, одновременно «зрелых и надламывающихся», в которых сплелось, ярко и противоречиво, множество прежних и новых тенденций, можно обнаружить черты, свойственные традициям идеалистического историзма: очевидное преувеличение роли в поворотах истории выдающейся личности, фактора случайности, страстную приверженность Хейзинги к конкретному, исторической эмпирии, исключаящих, по убеждению голландского историка, вопрос об общем, и многое другое<sup>4</sup>. И все же даже «Осень Средневековья» - наиболее яркое воплощение интереса Хейзинги к драматическому аспекту истории, «богатому театру лиц и событий» - это прежде всего исследование культурной эпохи как целого, анализ форм жизни и мышления, ментальности общества позднего Средневековья.

Хейзинга рассматривает позднесредневековую культуру в ее синкретизме. В каком-то смысле картина эта лишена индивидуализации, это картина исторических форм мышления, художественного творчества, костюма и этикета, стиля жизни. Крупные выразительные черты эпохи здесь выступают в ходе кропотливейшего - шаг за шагом следующего за хроникой того времени - анализа повседневности, жизни общества во всех ее проявлениях - нравов, правовых и этических установлений, социальных идеалов, религиозной доктрины и учений мистиков, быта различных сословий, преимущественно городского населения, функций художественного производства. Как бы скептически ни относился Хейзинга к хронике того времени, он знакомит читателя прежде всего с ней, опасаясь, как бы тот не поддавался одностороннему очарованию сохранившихся в небольшом количестве шедевров изобразительного искусства, не стал жертвой «оптического обмана»<sup>5</sup>. Во всех сторонах жизни выступают, по мере их анализа Хейзингой, глубокие противоречия: между характерами, психологией людей позднего Средневековья и социально-этической регламентацией их жизни, между идеалами, в первую очередь рыцарства, и политической реальностью. С дисфункциональностью социально-политической жизни парадоксальным образом, как показывает Хейзинга, сочетается значительное идейно-духовное единство всей гигантской консервативной машины, какую представляет собой организация общества позднего Средневековья, с чудовищно разветвленной и цепкой системой его представлений. При всем том, что общество это движется к близкой гибели, причиной которой, по Хейзинге, является исключительно внутренний кризис, истощение духовного потенциала общества, оно сохраняет свой специфический облик до конца.

В центре внимания историка не столько сами политические акции, сколько коллективное сознание, соотнесение жизни общества с принятой им шкалой ценностей, с основополагающими идеалами («гиперболической идеей жизни» эпохи).

Хейзинга никогда не был и сторонником психологизирующей истории: проблемы общественного сознания рассматриваются им в рамках обобщенной задачи *типологизации исторической культуры*<sup>6</sup>. Важно указать на тот факт, что несколько позже по сходному пути пошел выдающийся реформатор западной исторической науки М.Блок, один из основоположников школы «Анналов», также в исследованиях по Средневековью обратившийся к социальной психологии<sup>7</sup>. Касаясь другой работы М.Блока, «Короли-чудотворцы» (также написанной позже «Осени Средневековья»), итальянский историк Овидио Капитани отмечает, что, как и Хейзинга, Блок здесь отводит существенное место стилю мышления, нравам, костюму и т.п., что, как он замечает, было направлено на преодоление традиционной западной историографии, отражало потребность исторической науки опереться на нечто более достоверное, чем только политические события и действия личностей<sup>8</sup>. (Ср. у Хейзинги: место костюма, моды, массовых зрелищ, символики, обычаев, обрядов, анализ цветовых гамм, место цвета, блеска в повседневном укладе, значение, придаваемое «озвученности» средневековой жизни, такой как перезвон колоколов, глава, посвященная исследованию символики смерти, «danse macabre», переживанию смерти, и многое другое). В свойственной Хейзинге и Блоку тенденции заменять изучение индивидуальных мотивов вниманием к коллективной психологии прошлых эпох итальянский исследователь справедливо усматривает стремление преодолеть неэффективность индивидуализирующей истории<sup>9</sup>.

Хейзинга не только историограф культуры (разумеется, понятие культуры при этом берется в наиболее широком смысле). Он рассматривает культуру, если употребить современный термин, как систему, в которой взаимодействуют экономика и политика, право и быт, нравы и искусство... Помимо того, Хейзинга - историк мировой культуры, что делает неизменным масштаб его работы, его анализа и суждений сравнительно-исторический взгляд на вещи, идет ли речь о куль-

турообразующих факторах во всемирно-историческом плане или о явлениях локальной истории. Этим отмечен, разумеется, и анализ западноевропейского Средневековья; Хейзинга считает невозможным ограничиваться изучением этой эпохи как периода национальной истории, вообще считая условными такие жесткие деления «географического» порядка, как понятия «Западная Европа» или, шире, «Восток» и «Запад». Для Хейзинги всякая история есть история всеобщая.

Итак, Хейзингу трудно безоговорочно причислить к последователям немецкой исторической «индивидуализирующей» школы, к ранкеанству. Признание в качестве основы современной истории предшествующих культур, их исследование обуславливают в глазах Хейзинги необходимость обращения к эпохам большой длительности, что ведет к проецированию им масштабных структур. Самая глобальная среди них - «*Ното луденс*»; как бы ни была она насыщена эмпирическим историческим материалом, это - конструкция культурантропологии, неизбежно опирающаяся на все смежные дисциплины: этнографию, историческую психологию, социологию, лингвистику, фольклористику и т.п., - конструкция, уже не довольствующаяся привычными методами историографии, ее языком. Глобальное исследование роли мифов, фантазии в мировой цивилизации, игры как всеобщего принципа становления человеческой культуры<sup>10</sup> - как далеко это было от традиционного историзма! Не случайно имя Хейзинги называлось в одном ряду с именами М.Мосса и К.Леви-Строса; отмечалось значительное влияние на него «отца» культурантропологии Э.Тейлора.

Нельзя не согласиться с тем же О.Капитани, утверждавшим в предисловии к изданию работ Хейзинги в 1974 году: «То, что казалось «странным» в его историографическом методе (в сравнении с историографией XIX века), сегодня может быть охарактеризовано как определенная прелюдия к междисциплинарным исследованиям, к неевропоцентристской направленности исследований (что в настоящее время не

только «концептуализировано», но и переживает стадию экзальтации)»<sup>11</sup>. Однако Хейзинга не пытался традиционное и новое синтезировать в теории. Это дало повод еще в 1930-е годы характеризовать его взгляды как «поразительно отсталые», «безнадёжно устаревшие» либо считать, что вопреки общепринятому мнению Хейзинга скорее всего имел в виду «другую историю» («une autre histoire»), историю, какой ее стали обосновывать в качестве новой науки М.Блок и Л.Февр, школа «Анналы»: как исследование социально-исторических процессов, отношений, структур.

Однако и с этим трудно полностью согласиться. В действительности то, к чему Хейзинга шел практически, не нашло прямого отражения в его высказываниях. Конечно, Хейзинга не мог не осознавать своей близости к новым принципам исследования истории, таким, как типологизация и обобщение, системно-структурный анализ и др. Вот его собственное определение сути исторического подхода (как мы видели, вполне реализованного в «Осени Средневековья»): «История всегда говорит в понятиях формы и функции, даже там, где она отнюдь не руководствуется программой морфологического анализа»<sup>12</sup>. Главное в истории как познании - это осмысленное упорядочение фактических данных, задача историка - дать увидеть взаимосвязи в прошлом, набрасывать формы, в которых становится интеллигибельной минувшая история. Иными словами, Хейзинга в этом вопросе близок к «Анналам» и, в плане истории культур, к шпенглеровской идее морфологического анализа историко-культурных ценностей<sup>13</sup>. Тем не менее, говоря о методе, Хейзинга всегда высказывался в пользу традиционного событийного историописания немецкой школы как наиболее соответствующего природе предмета. Он неизменно верен «ремеслу историка», как его понимали Ж.Мишле и Л.Ранке; менее всего он, по-видимому, помышлял о том, чтобы наметить теоретические принципы «d'une autre histoire». Более того, Хейзинга считал, что в XX веке история, в основе своей не потревоженная дебатами о методе, продол-



жала идти прежним путем, полностью отвечавшим ее существу, тому, чего ожидало от нее общество<sup>14</sup>.

И все же нельзя не заметить новизну и своеобразие уже в самом подходе Хейзинги к проблеме формулирования тех или иных определений; в них он словно стремится снять пределы каждого из направлений, что сказалось в парадоксальной «глобальности», емкости, в явной некатегоричности его формулировок. Они как бы «растворены» в новой атмосфере восприятия истории как универсальной атмосфере мировой культуры. «История» словно вынесена в мир, вовне, она открыта всему<sup>15</sup>. Руководствуясь идеей о глубокой зависимости истории от других форм знания и культуры, Хейзинга стремится изгнать из исторической науки, как ее понимают его коллеги из среды университетской профессуры, дух догматизма и самодовольства, изоляции от живой жизни, закрывающей исторической науке «дверь в культуру», пренебрежения к достижениям смежных наук.

Так, выступив против схоластических дефиниций предмета истории<sup>16</sup>, Хейзинга в статье «Об определении понятия истории» (1929) обосновывает собственное понимание проблемы: «История - это духовная форма, в которой культура отдает себе отчет о своем прошлом»<sup>17</sup>.

Сформулированные Бернхеймом, Бауэром и другими определения предмета истории Хейзинга считает непригодными уже потому, что под выдвинутые ими критерии научности, необходимые для современного познания, не подходит большинство историков прошлого, таких как Геродот, Григорий Турский, Жуенвиль, Виллани, Мишле (хотя более или менее подходят Фукидид и Макиавелли). Подобные определения «оставляют в сенях дома истории» не менее подлинные самоотчеты других культур, которые в другие эпохи вполне выполняли свою функцию рассказа истории. В минувших культурах такой формой самоотчета были миф, повествование у примитивных племен, хроника, песни трубадуров и т.д.

Иными словами, Хейзинга стремится дать такое определение истории, которое позволило бы охватить - со времен возникновения цивилизации - всю практику осознающей себя, повествующей о себе в самых различных формах культуры (по определению Хейзинги, отнюдь не всякое прошлое есть для его носителя история: «прошлое лишь в той мере может стать для культуры историей, в какой оно вразумительно для нее»)<sup>18</sup>.

Хейзинга одним из первых воплотил в своих теоретических принципах идею, которая стала доминантой *Kulturgeschichte* и других форм исторического исследования в XX веке: идею обусловленности исторического познания той культурой, к которой принадлежит историк. «Придание формы прошлому» в качестве сути истории, историописания - всегда производится в соответствии с миропониманием данной культуры, в соответствии с традицией.

Однако если к культурным эпохам в истории следует подходить с их собственными критериями, то в чем в таком случае заключается нравственная ценность исторического познания, которой Хейзинга придает огромное значение? Ее ученый видит в том, что историческое познание, как и другие виды знания, выражает ориентированность человека, человеческой цивилизации на истину (и в этой вере в возможность достижения подлинного знания, истины - глубокое, сущностное отличие позиции Хейзинги от чреватого нигилизмом релятивизма его времени): история, пишет Хейзинга, так же приобщает человека к истине, как философия, как естественные науки. Нравственный смысл истории - в расширении горизонта субъекта познания: историка, общества, культуры, поскольку истинный и единственно надежный прогресс человеческой цивилизации заключается в избавлении от предрассудков, пристрастий, неизбежных ввиду ограниченности культурной зоны, в которой существует то или иное общество.

Нельзя понять взгляды Хейзинги на задачи историка, не уяснив себе его отношение к нравственному сознанию, его веру в нравственную миссию историка. Хейзинга подчеркивает:

«Сила и ценность этого духовного стремления (постичь мир в прошлом и через прошлое - *Г.Т.*) и его продукта, истории, заключена в отличающей их совершенной серьезности. Это абсолютная потребность: перейти к истинному познанию действительно случившегося, даже если мы осознаем недостаточность средств»<sup>19</sup>. Однако нравственный смысл истории заключается не только в этой познавательной ценности, но и в том, отмечает Хейзинга, что мы постоянно применяем к прошлому понятия добра и зла, и это прекрасно выразил Буркхардт, говоря о прагматической ценности истории: «стать не столько умными (в другой раз), сколько мудрыми (навсегда)».

Определяя историю как орган культуры, Хейзинга оценивает ее как науку в самой высокой мере общественную. История всегда - в гуще жизни<sup>20</sup>, она и писалась всегда там, где данный исторический период имел свой духовный центр: это агора, монастырь, королевский двор, кабинет, издательство и т.п. Поэтому ее поворот к школе, ее превращение в академическую дисциплину (прежде всего в Германии в XIX веке) он рассматривает как определенный урон, поскольку история оказалась лишенной непосредственного контакта с жизнью культуры - национальной и мировой. Хейзинга исходит из зависимого характера исторической науки. В отличие, например, от естественных или филологических наук она никогда не может быть самодостаточной, она должна опираться на все иные области знания и культуры.

Взгляды Хейзинги на задачи и характер историографии отличались до тех пор несвойственной исторической науке демократичностью, абсолютным непризнанием какой-либо элитарности либо эзотеричности исторического знания. Поскольку, по Хейзинге, историческое знание - это культурное самосознание, самоотчет общества, то если такое знание перестает быть доступным широким кругам общественности, всей образованной публике, оно теряет смысл<sup>21</sup>.

Хорошо чувствуя наличие общей почвы с социологией, Хейзинга с ней размежевывается, подчеркивая, что структура

и функции социальных феноменов, неизменно остающиеся в центре внимания исследователей, являются для социологии лишь парадигмами, тогда как «история культуры рассматривает явления в их собственном характерном значении»<sup>22</sup>. Историк культуры «не стремится вывести из этих явлений общие правила для познания общества»<sup>23</sup>. Хейзинга ищет путь от бесстрастия статики (неприемлемой для него ни научно, ни морально) к серьезности историзма. Динамика истории - это «драматургия форм человеческого существования»; эта динамика носит либо эпический, либо драматический характер. Именно она в XX веке, по Хейзинге, переживает глубокий кризис.

Возникновение и распространение новейших методов исследования, прежде всего количественных, основанных на математизации метода исторического познания, Хейзинга объясняет изменением характера исторической действительности, вытеснением событий и действий индивидов безличностными экономическими процессами<sup>24</sup>. История становится бесформенной, поскольку в истории динамичны не процессы - динамичны действия, прежде всего борьба за власть. Важное доказательство эмпирико-драматической сути истории Хейзинга видит в отличавшей ее до самого последнего времени способности быть воплощенной в изобразительном искусстве<sup>25</sup>. В истории главное, по Хейзинге, ее наглядность: историю надо себе представить зрительно, прежде чем ее объяснить или подыскивать для этого соответствующую концепцию. Теперь же сам исторический процесс теряет свою постижимость в образах (с чем всегда была связана сущность истории как нарратива): некогда цветущее дерево осуждено на засыхание<sup>26</sup>.

Итак, в определенном смысле Хейзинга «слишком» в истории; сам его концептуальный аппарат словно не приспособлен к охвату современности. Круг понятий, кристаллизовавшихся в его опыте историка, как бы замыкается, не включая в себя исторического опыта XX века, отторгая его (по Хейзинге, это век абсурда и заблуждений, опасного крена мыслей и по

литики в сторону иррационализма; этот век мог погубить цивилизацию, в которую он внес, если не считать технических достижений, так мало)<sup>27</sup>. Этот опыт Хейзинга не присоединял к привлекавшей его внимание истории тысячелетий человеческой цивилизации. Несомненный исторический пессимизм проявлялся в самой исторической концепции ученого, в консервативном характере многих его суждений об эпохе.

Не случайно в западной литературе о Хейзинге часто возникает вопрос: Хейзинга, историк, принадлежащий двадцатому веку, - современник нам или не современник? Так, например, известный итальянский историк Д.Кантимори в своей серии критико-библиографических очерков «Историки и история» делает снисходительную поправку к суждениям тех, кто спорит с Хейзингой: они, замечает он, видят в нем своего современника; а между тем с ними говорит человек другой эпохи, другой культуры, которая для него - единственная, при том что он видит ее уходящей в прошлое. (Конечно, за этими словами нельзя не признать доли справедливости<sup>28</sup>). Более осмотрительно высказывался О.Капитани: «Я бы рискнул назвать Хейзингу несовременным, если бы не боялся быть неправильно понятым...»

Очевидно, здесь недостаточно одних лишь споров о методе. Важно подчеркнуть и другое. Хейзинга - один из немногих мыслителей XX века, кто в тяжелый период реакции 30-40-х годов неизменно сохранял верность критериям и ценностям позитивной *рационалистической* философии и историографии. Между тем вера в возможности истории подтачивалась и разрушалась не только позитивизмом и социологией; она опровергалась с противоположной платформы философскими направлениями, заявившими о несостоятельности историзма, научного и объективного, к которому тяготел XIX век. С этих позиций на историю повели страстное наступление философия жизни и экзистенциализм. Э.Гуссерль, отождествив исторический подход с релятивизмом, отказал ему в способности постижения сущностного, то есть в возможности быть подлинным знанием; против исторической науки выступили

П.Валери, Ш.Пеги, Г.Марсель. Последний, в частности, отмечал: «Если и существует контакт человечества с прошлым, он осуществляется не через историка». Между тем именно в этот период буржуазная философско-историческая мысль вступила в полосу опаснейшего кризиса; некоторые из ее радикальных тенденций предшествовали распространению идеологии фашизма. Давая в 1935 году диагноз эпохи в книге «В тени завтрашнего дня», Хейзинга, в отличие от большинства современных ему западных идеологов, видит причины кризиса не в «болезни рационализма», якобы подточившего многовековую культуру Запада, а в чуме охватившего общество иррационализма. Иррационализм в политике, в международных отношениях привел к действиям на грани безумия, ко все возрастающей угрозе войны. Хейзинга, наследник традиций Гуго Гроция, подвергает резкой критике концепции международного права, «внеморального государства» Г.Фрейера, К.Шмидта и других идеологов нацизма, он изобличает природу псевдонаучных политических и правовых доктрин фашизма, нелепые и опасные идеологические домыслы.

Двадцатый век, подчеркивал Хейзинга, сделал историю как никогда прежде орудием лжи на уровне государственной политики; никакая восточная деспотия в своих фантастических «свидетельствах» не обращалась с историей так, как это делает современное государство. «Здесь взгляд намеренно затуманен демагогическим смешением религии, мифологии и науки»<sup>29</sup>. «Историческое сознание нашего времени, - не уставал предупреждать Хейзинга, - должно быть бдительным, дабы не были воздвигнуты от имени истории кровожадные идолы, которые поглотят культуру!»<sup>30</sup>.

Быть бдительным - все, что делалось Хейзингой-ученым, делалось под этим знаком. Хейзинга считал невозможным быть историографом настоящего, но как историк ставил на службу современности всю свою огромную эрудицию, опыт исследователя судеб мировой цивилизации. Тезис об «абсолютной серьезности» обращения специалиста к истории вы-

ражает непоколебимую веру Хейзинги в миссию историка, в его ответственность перед будущим. Именно этим объясняется факт, что по острейшим политическим вопросам своего времени Хейзинга занимал позицию, ничего общего не имеющую с отстраненностью, «нейтральностью», приспособленчеством. Главным среди этих вопросов для него всегда оставался вопрос о войне. Взгляд на войну одного из самых выдающихся историков XX столетия особенно поучителен; Хейзинга не устает в своих трудах подчеркивать не только бесчеловечность войн, уже грозящих самому существованию цивилизации, но и их абсолютную абсурдность: «...Вера в средства, чья бесполезность очевидна как божий день, не заслуживает иного названия, как предрассудок»<sup>31</sup>.

Вера в возможность эффективной войны в современных условиях, по Хейзинге, самое распространенное и самое страшное заблуждение. Всеобщая воинская повинность и обязательная военная служба, тяжелое государственное бремя, а также совершенствование средств ведения войны, писал Хейзинга, уже сделали войну бессмысленной. Если успехи техники начиная с середины XIX века внушали веру в эффективность таких средств, то с конца столетия, по мере того, как баснословно росла их разрушительная мощь, эффективность оказалась сведенной к нулю. «Человечество более не в силах выносить современную войну, которая может только искалечить его, но не может дать мира»<sup>32</sup>, - предупреждал Хейзинга в 1935 году. На протяжении всей своей деятельности Хейзинга разоблачает такие порождения политического сознания, как расизм, «гипернационализм», фашизм, как дикая, опасная абсурдность милитаристских упований.

Итак, возвращаясь к полемике вокруг трудов и позиции Хейзинги, можно признать обоснованность некоторых упреков в его адрес. Например, того, что в своих исследованиях, в том числе и по западноевропейской истории, Хейзинга часто ориентируется на факторы непервостепенные (Э.Гарин, Д.Кантимори<sup>33</sup>), и ряда других; однако лишен смысла упрек,

будто он «ни на чьей стороне - только на своей, только на стороне независимой культуры» (Моранди). Сказать так - значит превращать в абстракции понятия, имевшие совершенно конкретное историческое содержание: «только на своей стороне» антифашист Хейзинга оставался в нацистском концлагере, а «только на стороне независимой культуры» был в эпоху, когда, по меткому определению самого Хейзинги, культура оказалась «надолго загнанной в трюмы Европы».

Хейзингу не удалось заставить замолчать. В концлагере и в ссылке, как уже отмечалось, он написал работу «Поруганный мир», содержащую критику эпохи и очерки политической истории, права, сравнительно-исторический анализ понятий «культура» и «цивилизация». В этот же период им написана книга «Культура Голландии в XVII веке», ставшая примером замечательного синтеза в исследовании различных сторон культуры, жизни и общества.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup>Это книги «В тени завтрашнего дня» («In de schaduwen van morgen», Haarlem, 1935) и «Поруганный мир» («Geschonden Wereld», Haarlem, 1945). Предисловие к французскому изданию работы «В тени завтрашнего дня» написано Г.Марселем.

<sup>2</sup>Не случайно выдающийся американский социолог, историк и теоретик культуры Льюис Мамфорд оказался под большим воздействием идей Хейзинги. В связи с предпринятой им самим критикой современных технократических структур, Мамфорд с восторгом встретил и развил тезис Хейзинги о возникновении культуры на основе игры; как и для Хейзинги, для Мамфорда «по ту сторону» технизированной цивилизации вырисовывались антропологическая утопия, картины счастливой символизации окружающего, вечной поэзии, эротической игры в условиях вечного мира. В этом же направлении утверждал приоритет игры, воображения, свободно принятых правил и Г.Маркузе, противопоставляя естественное игровое начало авторитарному принуждению со стороны ор-



ганизационных структур государства. Однако необходимо заметить, что сам Хейзинга был далек от столь радикальной политизации своей концепции.

<sup>3</sup>Например, швейцарский историк К.Кёстер, биограф Хейзинги и автор вводной статьи к собранию его работ по теории, считает, что Хейзинга творчески, самообытно воспринял идеи немецкой юго-западной школы. При этом, однако, сами историки на Хейзингу сколько-нибудь значительного влияния не оказали, хотя он восхищался Буркхардтом, высоко ценил А.Пиренна. (См.: *Köster K. Jochan Huizinga (1872-1945)*. Oberursel, 1947).

<sup>4</sup>Так, один из важных факторов падения Бургундского герцогства Хейзинга усматривал в своеобразии личности Карла Смелого, в его стремлении любой ценой воплотить в своей жизни рыцарский идеал, в обусловленных безрассудной отвагой политических просчетах. Очень существенную роль Хейзинга отводил случайности.

<sup>5</sup>Хейзинга предостерегает от свойственного XX веку чрезмерного увлечения эстетическими впечатлениями, тенденции судить об историческом прошлом по сохранившимся произведениям искусства. Он подчеркивает противоречивость следа, оставленного «бургундско-фламандским веком» французского Средневековья, связывая это с глубоким жанровым различием свидетельств: одну картину рождает в нашем воображении уцелевшие шедевры живописи, совсем другую показывают нам хроники и поэты. Это возвышенная серьезность и глубокий покой братьев Ван Эйк и Мемлинга на фоне жестокости, мстительности, гордыни и ужасающей нужды, создаваемом жалобами поэтов и хронистов, - словно живопись, а с нею - народная песня «относился к зоне мира на краю этого крошечного ада...». В действительности все они были сторонами одной системы, одного мировоззрения (*Huizinga J. Le Déclin du Moyen Age*. P., 1933 - Перевод произведения на французский язык был сделан Й.Хейзингой).

<sup>6</sup>Очевидно, с этим связаны адресованные Хейзинге упреки

в «антиисторизме» и «социологизме» в духе К.Лампрехта, хотя сам Хейзинга занимал резко критическую позицию в отношении позитивистского учения Лампрехта, его упрощенческого, схематичного подхода к задаче типологизации эпох.

<sup>7</sup>См. *Блок М.* Апология истории, или ремесло историка. М., 1986, 2-е изд. Прим. и статья А.Я. Гуревича.

<sup>8</sup>*Huizinga J.* La scienza storica. Introduzione di O.Capitani. Roma - Bari, 1974, P. XXIII.

<sup>9</sup>Говоря о судьбе раннего произведения М.Блока, А.Я. Гуревич отмечает, что «Короли-чудотворцы», с их специфической, новой проблематикой - «широким, интенсивным изучением ментальности», ритуала, верований, символов, фольклора - встретили холодный прием среди историков, «большинство которых тогда еще не было подготовлено к такого рода постановке вопроса», хотя ныне представители «новой исторической науки» ссылаются в первую очередь именно на эту работу Блока (См. *Гуревич А.Я.* М.Блок и «Апология истории», в указ. соч., с. 211). Тем более неудивительно, что, по единодушному мнению коллег Хейзинги, в «Осени Средневековья» речь шла «не об истории».

<sup>10</sup>Баткин Л.М. справедливо подчеркивает значение выделения Хейзингой игровой стороны культуры для разработки семиотического и системного подходов к культуре. (См. Баткин Л.М. Йохан Хейзинга. - СИЭ, т. 15. М., 1974, с. 564-565).

<sup>11</sup>*Capitani O.* Introduzione..., p. X.

<sup>12</sup>*Huizinga J.* Wege der Kulturgeschichte. Studien. München, 1930, S. 56.

<sup>13</sup>Критики упрекали Хейзингу в том, что он «принял Шпенглера слишком всерьез»; но он действительно принял Шпенглера всерьез и как культуролог не мог иначе; совсем по-иному он отнесся к шпенглеровской идее истории. Главный порок ее Хейзинга справедливо видит в том, что Шпенглер «бездумно проделал путь, который ведет от морфологии к мифологии» (*Ibid.*, S. 58).

<sup>14</sup>За период, истекший со времени этой борьбы, утверждает Хейзинга, история беспечально продолжала свой путь, не смущаемая требованиями методологического порядка, которым она по своей природе никогда не могла достаточно удовлетво-

рять. Ее суть не изменилась, характер ее продукции остался тем же (См. *Huizinga J. Op. cit, S. 22*). Так, вопреки всем дебатам, вопреки Лампрехту, социологии, главным делом истории к началу XX в., пишет Хейзинга, оставались констатация и описание единичного и особенного, независимо от того, будут это называть наукой или нет. Этот подход вскоре получил ценную поддержку из лагеря философии: Риккерт и Виндельбанд подтвердили самостоятельную ценность методов *Geisteswissenschaften*, которые могут быть не точными и не строго понятийными.

<sup>15</sup>Много позже Хейзинги Ф.Бродель, ведущий представитель следующего поколения школы «Анналов», писал: «Историки нового типа внимательно следят за всеми науками о человеке. Именно это делает границы истории такими расплывчатыми, и интересы историка - столь широкими» (Цит. по кн.: *Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984, с. 7*).

<sup>16</sup>В частности, данных Э.Бернхеймом (немецкий историк, много занимавшийся проблемами методологии исторического исследования), Бауэром и другими.

<sup>17</sup>В сб.: *Huizinga J. Im Bann der Geschichte. Leiden, 1941, S. 104*.

<sup>18</sup>*Ibid.*, S. 102.

<sup>19</sup>*Huizinga J. Op. cit. S. 100*.

<sup>20</sup>И в этой связи всегда существовала реальная проблема: трудность вычленения «собственно исторического» из повседневной жизни, трудность обособления истории в качестве самостоятельной дисциплины из сферы обыденных интересов, обыденного мышления.

<sup>21</sup>Хейзинга порицает массово-популяризаторские тенденции в распространении знаний, но это связано с его неизменной критикой западной массовой культуры. По его глубокому убеждению, история уже сама должна быть понятной, связанной, доступной каждому образованному человеку. Хейзинга, чья эрудиция и профессионализм историографа не имеют себе равных, в принципе считает профессионализм в истории далеко не всегда обязательным. История - область от-

крытая, доступная всем, и в ней надо поощрять даже скромный опыт любителей прошлого; дилетант в истории, отмечал Хейзинга, фигура желанная. В то же время, положительно относясь к скромному опыту неспециалистов, Хейзинга непримирим к создателям беллетризованных форм изложения истории, к проникновению в историю «тroyанского коня эстетики» (из современных ему писателей это прежде всего А.Моруа).

<sup>22</sup>*Huizinga. J. Wege der Kulturgeschichte*, S. 56. Не надо, однако, думать, что Хейзинга не ценил достижений социологической мысли (в том числе и идей позитивизма XIX в.) как определенного вклада в историческую науку.

<sup>23</sup>*Ibid.*

<sup>24</sup>Конечно, пишет Хейзинга, люди - участники экономических процессов, но они не выступают в этих процессах в качестве субъектов; образ человека отступает на задний план. Сейчас лишь при политических поворотах человек целиком вновь оказывается в фокусе истории. Видя в современной Америке (речь идет об Америке 1930-х годов) страну исключительно экономических процессов, Хейзинга утверждает, что истории как таковой в ней больше не существует.

<sup>25</sup>Жанр исторической картины, пережившей свой расцвет в первой половине XIX века, перестал служить отражением исторической действительности. Наше коллективистское сознание, полагает Хейзинга, препятствует восприятию процессов как сцен с действиями индивидуальных персонажей.

<sup>26</sup>Не потому ли, говорит Хейзинга, наш неистребимый исторический инстинкт все больше устремляется на периферию вотчины Клио - в археологию, этнографию, религиоведение, историю искусств - науки, которые, без сомнения, относятся к истории, но все же не являются историей.

<sup>27</sup>Правда, отмечает С.С. Аверинцев в статье, прекрасно воссоздающей облик ученого, «профессиональное внимание историка ко всей противоречивой феноменологии конкретного материала не позволяло ему успокоиться на представлении о тотальном упадке, на безапелляционных формулах, подменяющих ре-

альный кризис некоей разновидностью апокалипсического мифа. Весь «темперированный» склад мысли Хейзинги исключал увлечение «Schlagwörter» (Аверинцев С.С. Культурология Йохана Хейзинги. - «Вопросы философии», 1969, № 3, с. 173).

<sup>28</sup>См.: Cantimori D. *Storici e storia. Metodo caratteristiche e significato del lavoro storiografico*. Torino, 1971, p. 360. Надо отметить, что вклад итальянских историков в изучение наследия Хейзинги весьма значителен и интересен.

<sup>29</sup>*Huizinga J. Im Bann der Geschichte*, S. 58.

<sup>30</sup>*Ibid.*

<sup>31</sup>*Huizinga J. Incertitudes. Essai de diagnostic du mal dont souffre notre temps*. Paris, 1939, p. 195.

<sup>32</sup>*Ibid.*, p. 193.

<sup>33</sup>Впрочем, Кантимори, как и вышеназванные историки, восхищается принципиальностью, большим мужеством ученого, проявленным в дни, когда «тень завтрашнего дня стала мраком над его родной страной сегодня».

#### СОЧИНЕНИЯ

*Herfsttij der middeleeuwen. Studie over levens-en gedachtenvormen der 14 en 15 eeuw in Frankrijk en de Nederlanden*. Haarlem, 1919; *Erasmus*. Haarlem, 1924; *Homo ludens*. Haarlem, 1938; *Mein Weg zur Geschichte*. В, 1947; *Осень Средневековья*. М., 1988; 1995; *Homo Ludens. В тени завтрашнего дня*. М., 1992; *Homo Ludens. Статьи по истории культуры*. М., 1997.

#### ЛИТЕРАТУРА

*Аверинцев С.С.* Культурология Йохана Хейзинги. - Журнал «Вопросы философии», М., 1969, № 3; *Тавризян Г.М.* Освальд Шпенглер, Йохан Хейзинга: две концепции кризиса культуры. М., 1989; *Тавризян Г.М.* Позднее Средневековье как культурная эпоха и проблема Возрождения в трудах Й.Хейзинги. - В книге: *Историко-философский ежегодник 1988*. М., «Наука», 1989; *Kaegi W.* *Das historische Werk Johan Huizingas*. Leiden, 1947; *Köster K.* *Johan Huizinga. 1872-1945*. Oberursel, 1947.